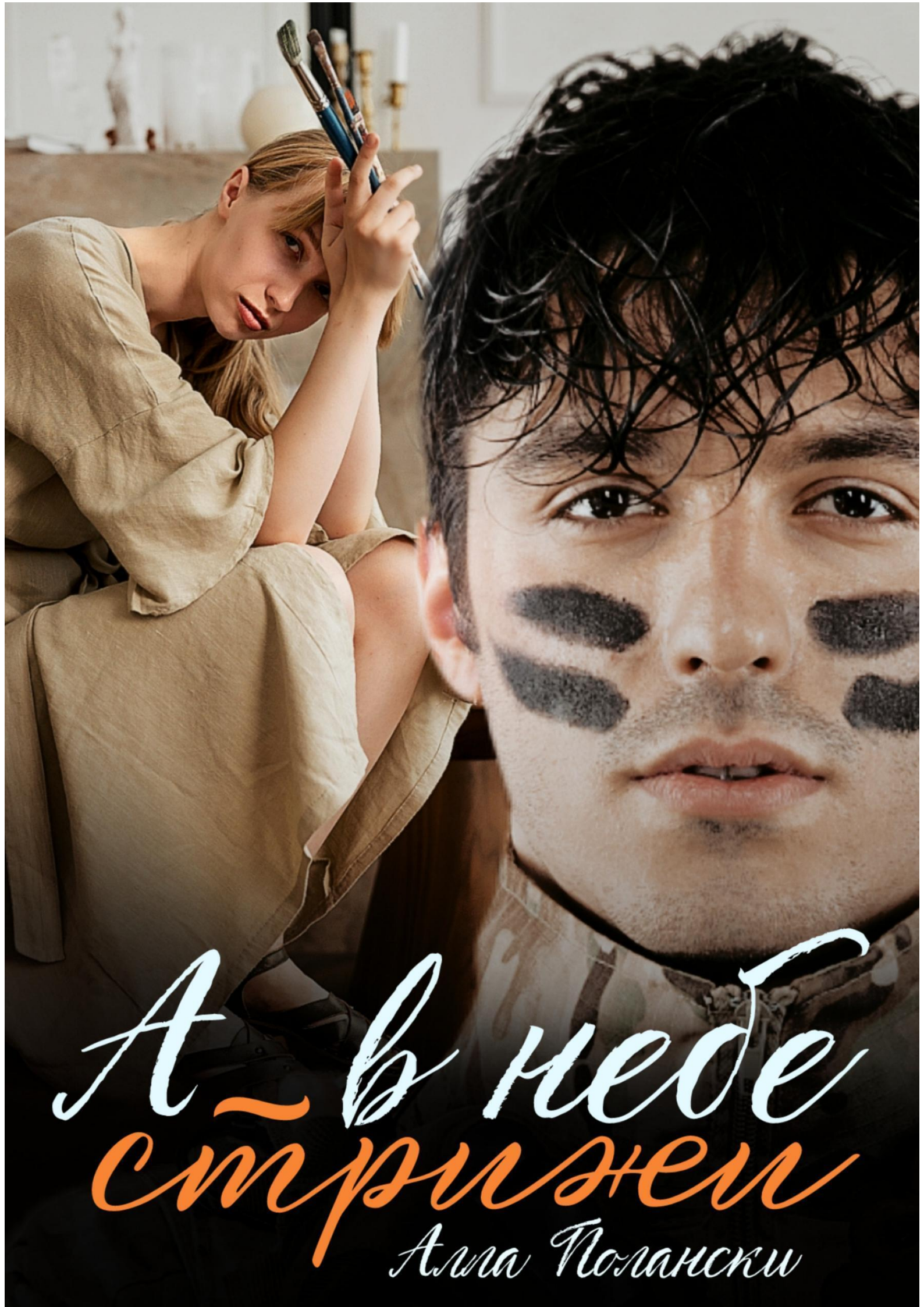

*А в небе
стрелял*

Алла Полански

Алла Полански

А в небе стрижи

«Автор»

2022

Алла Полански

А в небе стрижи / Алла Полански — «Автор», 2022

Алёна – творческая натура. И влюбилась она точно как влюбляется свободный художник: одним взмахом кисти закрасив прошлое, до беспамятства, безрассудно. Санька же понимал, что ему ещё не скоро представится возможность забыться в мягкой женской ласке, а потому и отказываться от "сладкого" не стал. Высокий, широкоплечий, статный – военная выправка молодого лейтенанта сразу привлекла внимание отнюдь не простой студентки. – Ты ведь мой папка, да? Понимая, что разочарует сейчас странного мальчонку, Саша уже хотел было сказать, что ошибся, но подоспевшая старуха, стуча тростью, нагнулась над ними: – Значит, приехал всё-таки! – и, строго обращаясь к правнуку, добавила: – Александр, веди гостя в дом. Они пройдут всё, но не сдадутся. Станут сильнее. Ради друг друга. В тексте есть: лейтенант спецназа, дочь партийной шишки, жизнь.

© Алла Полански, 2022

© Автор, 2022

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	17
ГЛАВА 7	19
ГЛАВА 8	21
ГЛАВА 9	23
ГЛАВА 10	24
ГЛАВА 11	26
ГЛАВА 12	28
ГЛАВА 13	29
ГЛАВА 14	32
ГЛАВА 15	34
ГЛАВА 16	35
ГЛАВА 17	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алла Полански

А в небе стрижи

ГЛАВА 1

Он был детдомовским. Она это поняла сразу. И хотя на вид, а был он высоким, крепким, да ещё выправка и форма военная делали его стройнее и заметнее на танцплощадке, сиротой он явно не казался, но какая-то резкость суждений и понятий наталкивали её на эту мысль. Вообще-то думать о нём ей не полагалось. Алёнка заканчивала институт, и они с её парнем-однокурсником собирались пожениться, чтобы не мыкаться в захолустье по распределению.

Но ведь сердцу не прикажешь. Его звали Сашей: так звучало мягче, хотя он представлялся Александром. Просто друг Игоря, старшего брата Маринки, её самой близкой подружки. Маринка с четвёртого класса за ней каждое утро в школу заходила, правда, по окончании школы пути их разошлись: Маринка в иногородний мединститут поступила, а она, домашняя девочка, боявшаяся потеряться среди чужих людей, осталась здесь и была успешно зачислена на факультет изобразительного искусства. Честно говоря, художником она себя не считала, но преподавать уроки рисования в местной школе ей понравилось: умения у неё хватало, да и детей любила.

Родители уже вовсю готовились к свадьбе, как к чему-то предреши́нному, но, ёлки-палки, этот молчаливый парень запал в душу.

И не ей одной – Маринка, приехавшая на каникулы, тоже глядела на загадочного Александра с блеском в серых, но улыбочивых глазах. Он и танцевать их приглашал по очереди, хотя Виктор отпускал Алёнку неохотно, чувствовал соперника каким-то мужским чутьём.

«Лучше бы не приезжал он в гости к другу, – думала Алёнка ночью, – не знала бы его, и сердцу было бы спокойно».

А Саша и Игорь, получив распределение, догуливали последние деньки своего отпуска. У них ведь уже и требования оформлены на туркменскую границу...

Алёнка мечтала украдкой. Эх, вот если бы он задержался у них в городе, они бы друга лучше узнали, то, возможно, и отпустила бы её мама от себя, поверив в надёжность Александра. Впрочем, вообще-то он и не предлагал ей ничего, это она так просто – замок на песке строила. Ей очень хотелось узнать, что он про неё думает и думает ли вообще.

К двадцати двум годам Санька прошёл настоящую мужскую школу. Он глядел на этих молодых девушек и парней не то что бы свысока, но так, как смотрят выпускники на первоклашек. Парень видел их волнение, но оно казалось ему каким-то детским, хотя сам был с ними почти ровесником. То, что переживали они сейчас, у него осталось далеко позади, как будто с тех пор прошло не семь лет, а целая жизнь.

Ему и другу его, Серёге, было по четырнадцать, Верочке – на год меньше, когда они оба влюбились в неё. Никто бы не поверил, что парни, одного поля ягоды, не боявшиеся чужих кулаков, робели при этой юной вертихвостке. И сирень ей из соседских палисадников рвали, и яблоки потаскивали, а больше чем за руку подержать не сподобились.

Цвело что-то нежное в груди, но потом прихватило морозцем: он уехал поступать, а Серёгу в армию забрали. Верочка клялась, что дожётся, но через год вышла замуж.

Нет, застрелиться Саньке не хотелось, к тому времени его научили жить без эмоций: жизнь стоит столько, сколько она стоит, а именно – ничего.

Его учили убивать: ни жалости, ни любви к кому бы то ни было – просто убей до того, как убьют тебя, но не доставь противнику такой радости. Из сорока кандидатов зачёт сдавали трое, а из них отбирался один.

Но сейчас, глядя на Алёнку, он вспомнил тепло и мягкую осторожность рук своей первой любви, хотя простить первого же в его жизни предательства не смог.

ГЛАВА 2

Плестись по Туркмении на поезде было тошно: только несущийся состав замедлял ход, как мгновенно превращался в душегубку. Вентиляция не работала, а за окном, несмотря на начало сентября, было плюс тридцать восемь. Они с Игорем выходили на перрон, и, если в пределах видимости стояла колонка, мылись под слабым напором ржавой воды. Но колонки попадались редко, а потому на гимнастёрках появились белые круги от соли, хотя надевали парни их не так уж часто – всё больше в майках валялись или сидели, чтобы не липнуть к стенкам перегородок.

Санька молча глядел в окно, не видя суетливых местных торговцев, предлагавших дыни, арбузы и ещё какие-то ягоды и фрукты. Он вспоминал ночь перед отъездом, отчего бурлившая в венах кровь моментально прилиwała к паху.

Эта девчонка всё-таки напросилась на приключения. Жених её благополучно отправился отдыхать с матерью в Сочи, звал и Алёну, но она сказала, что поедет со своими родителями в октябре. А на следующий день, аккурат после его отъезда, пригласила Игоря, Маринку и самого Саньку к себе на дачу. Он думал, что такие дачи бывают только у писателей или космонавтов, однако оказывается, у местных царьков в каждой области есть отдельно построенный коммунизм, так сказать, для себя любимых. Но об этом ему станет известно чуть позже.

Утром, к условленным семи часам, ни Игорь, ни Марина не пришли. То ли друг поставился для него, то ли и впрямь мать его попросила к бабке в деревню съездить, забор поправить да ещё что-то по хозяйству сделать, и тот без отказа согласился, а его Саньку даже с собой не взял, сказав:

– Иди, неудобно такой девчонке отказывать.

Так что утром он один ждал Алёнку на остановке. Она расстроилась, что подружка не пришла, бегала к телефону-автомату, звонила, выпрашивала, почему та не явилась... Только Марина вдруг тактично отказалась, тоже сославшись на поездку к бабушке.

– Может, не поедем? – посетовал тогда Санька.

– А как же шашлыки? Я ведь Михалыча попросила мясо замариновать, – жалобно проговорила девушка.

Видя, что ей очень хочется оказаться с ним за пределами города, он ответил:

– Ну, раз Михалыч старался, то надо ехать, – хотя не имел представления, кто такой этот Михалыч.

Им оказался отставной военный, который подрядился охранять обкомовские особняки. Дачный посёлок был обнесён высоким забором, а шлагбаум, точно как на переезде, предусмотрительно закрывал проезд в него. Всех владельцев дач и их отпрысков сторож знал хорошо: не один год он сидел в уютной будке, наблюдая за грехопадением то одного, до другого члена августейших семей, и при случае мог бы рассказать много интересных подробностей, но тогда бы ему пришлось распрощаться с хорошей прибавкой к пенсии и работой, которая была лучше отдыха.

Вот и сейчас он видел, как испуганно бегают глаза у Алёнки, приехавшей на спецавтобусе, а парень-то нездешний... Михалыч вышел из будки, буравя Саньку подозрительным взглядом, но того не то, что взглядом, кулаком не смутишь, а потому бывший подполковник первым протянул руку:

– Здорово, служивый. Из каких краёв будешь?

– Здравствуйте, – и глазом не моргнув, ответил тот, – да местный я. Вот... решили с Алёной отдохнуть от города, – продолжил налегке он. Пусть старый штабник пороется в своих архивах.

– Алёна, позвонишь мне, когда шашлыки подавать. Или сами жарить будете?

– Мы сами, – ответил за неё Санька. Ему не хотелось, чтобы эта жирная рожа лишний раз светилась перед его глазами и вынюхивала, чем они там занимаются. – И возьмём их прямо сейчас.

Михалыч сходил в дом, расположенный за будкой, и принёс эмалированный бидон с мясом.

– Спасибо, – поблагодарила его Алёнка, – папа рассчитается с вами.

Санька взял холодный бидон и пошёл впереди девушки, хотя не знал, в который из этих домов его пригласили, но вскоре она догнала его и молча засемила рядом. Зная, что сторож смотрит им в спины, он уточнил:

– Куда сворачивать?

– Сейчас налево, наш дом ближе к озеру, – почему-то виновато проговорила Алёна.

«Вот он – коммунизм, – подумал лейтенант, – и воевать за него не надо: за дачей ухаживает садовник, шашлыки готовит бывший подполковник, а продукты в холодильнике, наверное, сами появляются».

Она каким-то образом почувствовала его мысли, потому что стала сбивчиво объяснять, что её папа почти не бывает здесь, а дачи положены всем обкомовским работникам. Санька, зайдя в дом, даже в зеркало взглянул – неужели у него все мысли на лице написаны?.. Но нет, оно как всегда было бесстрастным.

А Алёнка глазела на него, не скрывая своих чувств, восхищалась его умением разжечь дрова для шашлыка, успеть искупаться в пруду, вовремя перевернуть шампуры, чтобы мясо подрумянилось ровно, рассмотреть, не задерживая взгляда, фигурку этой неумелой соблазнительницы... Впрочем, последним она не восхищалась вслух.

Надо сказать, посмотреть было на что. Наверное, Верочка бы тоже стала такой в двадцать: упругие груди подпрыгивали каждый раз, когда она, забыв что-то в доме, вскакивала и бежала, стараясь угодить ему, а стройные ноги просто сводили его с ума.

– Танцами занимаешься? – спросил Саша, любясь точёными голеньями.

– Нет, я художественной гимнастикой увлекалась, но в четырнадцать лет проблемы с коленом начались, и папа запретил мне ходить на тренировки. А ты каким спортом увлекаешься?

– Да всеми видами понемножку, – уклончиво ответил Санька.

Они смаковали сухое вино, но девчонке хватило и этого слабоалкогольного напитка. Её глаза при взгляде на видного лейтенанта отсвечивали перламутровой плёнкой, и он ещё тогда подумал, что, наверное, это и есть та самая поволока. И хотя он вовсе не собирался связывать себя с ней узами брака, но и в евнухи не записывался.

Непринуждённо расположившись на ватном одеяле, которое Алёнка принесла из дома, они ели приготовленное мясо. То и дело соприкасаясь плечами или бёдрами, пара отмечала возрастающую с каждой минутой заинтересованность друг в друге.

Хозяйка дома действовала на гостя возбуждающе, хотя, кажется, сама не понимала этого. Или все её действия – всё же какой-то хитрый план, очень умелая игра?.. Прежде Санька считал, что, скорее всего, подходит второй вариант. Он жевал, запивая вином, отлично приготовленный шашлык, но как бы ни были вкусны в меру острые кусочки мяса, рано или поздно наступает насыщение. Наверное, когда-нибудь он будет жалеть, что отказался от следующей порции, заменив её оригинальным десертом, однако исключать из своего рациона девчонку, предлагавшей себя на сладкое, не собирался.

Алёнка пыталась вызвать Саньку на разговор, но он отвечал уклончиво, отчего ей пришлось разгадывать его ответы, словно головоломку, пытаясь понять, почему он так отвечает: потому что считает её глупой гусыней или она просто не в его вкусе... Расстроившись, девушка предложила ему искупаться в озере, так как уже не знала, что делать дальше. Он не говорил

ей комплиментов, не флиртовал, как другие, не пытался поразить её воображение рассказами о своих победах над другими девочками.

Решив окунуться в прохладную воду, чтобы немного остудить разгорячённое от жары тело, она вдруг поняла, что всё пошло не по плану. Погружённая в свои размышления, девушка забыла взять с собой полотенце, а когда, окунувшись в воду и проплыв немного, вышла, её кожа тотчас покрылась крупными, как пшено, мурашками. Вот только Санька видел отнюдь не гусиную кожу, а торчавшие из-под ткани бюстгалтера соски.

Если девчонка хочет – что ж, он не против, тем более ещё неизвестно, когда ему представится такая приятная возможность – вдоволь насладиться обществом молодой и сочной особы.

ГЛАВА 3

Игорь молчал, видя, что друг о чём-то задумался. Сам скажет, если совет нужен будет. А не скажет – значит, так надо, ведь после училища, где на болтовню не оставалось времени, они научились понимать друг друга без слов.

Отпуск расслабил его, но в то же время и утомил трескотнёй парней и девчонок, с которыми он рос. Столько порожнего гонят, что иной вечер, сидя рядом на дворовой скамейке, Игорь уходил мыслями в своё, не забывая в положенные моменты улыбнуться, чтобы не выглядеть бирюком. Они прошли с Санькой много такого, от чего взрослые, здоровые мужики плачут. И это только подготовка – какие же тогда ягодки им предстоит собирать...

Танюшка, наверное, думает, что не любит он её: всё надеялась, что распишутся. Только они с Санькой решили не связывать ни себя, ни девушек обещаниями. Можно сколько угодно делать вид, что их готовят, как и всех военных, только кому врать? Себе. Хуже всего, что они до последнего мгновения остаются в неведении. Где и когда их поднимут по тревоге?.. Чёрт его знает... Конечно, каждый надеялся вернуться живым: вроде бы время-то не военное. А вдруг? Незамужняя поплачет, да и забудет, а вдова да с ребёнком – вот ей-то какого будет?

Бегали они с Санькой в училище к таким вдовам, да разведёнкам, собирающим облюбки. Не хотел он такого счастья Татьяне и не согласился на её уговоры, даже если она его всё равно дождётся.

А может, зря он так?.. Случись чего с ним, хоть ребёнок останется...

Чтобы отделаться от глупых мыслей, Игорь вылез по грудь в окно: сухой и жаркий ветер нещадно хлестал по щекам, заставляя прищурить глаза.

Санька же задремал. Ему снилось, что Алёнка назначила ему свидание в укрытии, которое было замаскировано по всем правилам военной разведки. Где-то среди тянувшихся гор ему нужно отыскать вырубленный в скале проход, и он, как учили его, проходил бесконечную спираль, цепляясь за острые края камней, обливаясь потом, обезвреживал мины, но то и дело находил едва заметные приметы новых.

Радуюсь, что уже почти добрался до заветного входа, Санька даже видел закамуфлированный под гранит полог, закрывающий его, но камень под ногой вдруг закачался, и он, с размаху ударившись головой о скалу, резко полетел вниз.

– Проснись, – вырвавший из сна голос Игоря заставил открыть глаза. Друг стоял возле узкой и неудобной полки.

– Чёрт... приснится же, – хрипло проговорил Санька, и вправду крепко приложившийся головой о стенку: поезд на стрелке сильно тряхнуло. Сердце билось часто, духота стояла невероятная. – Дай фляжку.

Попив тёплой воды, снова откинулся на смятую плоскую подушку.

Глупость всё это. Хотя разведчик из него никакой: не смог отличить влюблённую дурочку от искательницы приключений. Тогда, после купания в озере, Алёнка, чистолюйка такая, предложила ему принять душ. Он вымылся, несмотря на то, что и так чувствовал себя освежённым прохладной водой пруда, и обмотался полотенцем, рассматривая в ожидании, когда высохнут плавки, многочисленные картины на стенах. А она вышла из душа в коротенькой комбинации, посмотрев на него как-то испуганно и виновато. Он сел на шёлковое покрывало родительской, как потом окажется, кровати и, раскрыв руки, поманил её.

Девчонка закрыла глаза и слепо пошла к нему. У него ещё не было таких наивных особ, если только не считать Верочку, но с ней до близости так и не дошло.

Бархат кожи под шёлком сорочки. Он нашел тугие соски, которые дразнили его ещё на озере, и прикусил их через тонкую струящуюся ткань. Алёнка томно застонала, и тогда, сминая

мягкие пухлые губки своими, он с ловкостью опрокинул её на кровать. Комбинация задралась, обнажив плоский живот и загорелые бёдра.

Санька провёл языком по линии загара, и тело девушки тотчас выгнулось ему навстречу. Он сорвал с себя полотенце: пах горел плотским огнём. Алёнка обхватила его за плечи, впиваясь в них своими ноготками, приподнялась, помогая ему снять трусики. И когда он, наконец, отбросил в сторону шёлковый комочек, то рванулся в неё: вожаденно, жадно, порывисто.

Девчонка то ли от неожиданности, то ли от боли вскрикнула, но в чём, собственно, дело, он понял слишком поздно. Уже потом, перевернувшись на широкую спину и заложив руки за голову, со вздохом спросил:

– Почему ты не сказала?

– Я... я не знаю. Думала, что ты взрослый и сам всё понимаешь... – пролепетала она, краснея до кончиков волос.

– Ты ошиблась: я совсем из другой сказки, – поменявшись в лице, проронил Саша.

Он вышел в сад, пока Алёна застирывала простынь с родительской кровати, на которой неровными краями расплылось багровое пятно, и крепко зажмурил глаза.

Голова кругом. Наверное, всему виной сильно раскачивающийся поезд...

ГЛАВА 4

Жизнь на базе горной подготовки превратилась в один длинный день, когда каждая жилка, каждая клеточка просит отдыха. И если первые дни подъёмов в горы проходили налегке: учились ходить, цепляясь за малейший выступ, правильно ставить ногу, выбирая надежный камень, прислушивались к шёпоту горной осыпи, которая в любой момент могла превратиться в камнепад, то через неделю это занятие уже казалось простым.

Теперь с минимумом груза, в связке в парах, карабкались почти по отвесным скалам. Любой камень, сорвавшись из-под ноги впереди идущего, мог серьёзно ранить следующего за ним напарника. И они учились сторониться, выбирали склоны для подъёмов, учитывая длительность освещения солнцем, пробовали почву, если не на зуб, то запоминали ощущения непрочности или коварства влажной от росы травы и мелкой гальки, заставлявшей поднимать глаза вверх и рассчитывать траекторию следующего камнепада. А потом отрабатывали удары ножом в условиях, когда сам стоишь на тропе, боясь сорваться вниз, и при этом ещё стремишься поразить противника. Вечерами они на ощупь вязали узлы, понимая, насколько верно выражение «Жизнь висит на волоске».

Их было шестеро в группе. Игорь научился уживаться со всеми, Санька не принял одного, хотя и с другими не притесствовал. Черноволосый мужик деревенской закваски, с рябым лицом, тот, которого звали Олегом, делал всё настолько основательно, как будто он здесь собирался жить всю оставшиеся годы. Низкорослый, с большими добрыми глазами и рыжими ресницами Лёха просто всегда улыбался. Все радовались, когда он оставался дневальным: на ужин тогда подавалось горячее и непременно с мясом, и хотя пахло оно странно, группа считала, что это продукты подпортилось от жары.

Никто не видел, когда доставлялись продукты. Командовал ими Полкан, представившийся так, что отныне заслуженно получил своё прозвище. Гораздо позднее они будут произносить его с уважением, когда поймут, что его жёсткость, граничащая с жестокостью, подготовила их ко многим неожиданностям, а главное – научила выживать в самых безвыходных ситуациях.

Шестым был Руст, или Рустам, который выёживался перед всеми. К чему рисоваться, если каждый из них попал сюда неслучайно, но ему обязательно надо хотелось поймать тот момент, когда кто-то из компании, расслабившись после тренировок, подавая по его просьбе верёвку или нож, вдруг попадался на внезапно применённый им приём рукопашного боя. Полкан молчал и другие тоже, но научились благодаря этому даже в лагере жить настороже.

Ночью инструктор устроил новое испытание. При свете фонаря участники должны были обыскать смертельно раненого противника, а заодно и найти картонную карту с кодом, спрятанную у врага в нагрудном кармане. Все понимали, что не может здесь быть никакого противника, все подходы заминированы, и это, скорее всего, чучело, но когда рука Рустама провалилась вместо кармана в окровавленные внутренности, он отдернул её, а Санька, сжав зубы, рылся пока не нашёл.

Это были внутренности убитой накануне татаринкой собаки. Наутро Рустам, чтобы не цепляли его за этот момент слабости, огорошил всех, сказав, что Лёха давно промышляет либо бездомными псами, либо лягушками, которые прячутся от дневной жары в пещере, и спросил, стоит ли его хвалить за ужины? Но все снова промолчали, отчего желание Руста, найти в Рыжем козла отпущения не исполнилось. А Полкан каждого из лагеря проверил на убийстве невинной твари, потому что на войне иногда приходится уничтожать не вовремя высунувшихся гражданских. Пожалеешь – доложит своим и накроется вся группа.

Вскоре их перебросили в другой лагерь. И снова далеко не пионерский. Здесь хоть и не надо было, ломая ногти, лезть в горы, но назвать минирование лёгким делом язык не поворачи-

чивался. Ежедневные занятия в учебном классе землянки после двух месяцев в горах требовали выхода накопившейся энергии, и парни по собственной инициативе устраивали вечерами тренировки по рукопашному бою. А ночью видели переплетение проводов, ведущих к взрывателю, и просыпались в холодном поту от того, что взлетали во сне, отсоединив не тот проводок, который следовало. В общем, практика на полигоне впечатлила надолго.

В последние дни пришло новое вооружение – гранатомёт «Муха», игрушка, которая пришлась по душе всем. Освоили быстро и сами удивлялись потом, как без неё раньше обходились.

Четырнадцатого декабря их подняли по тревоге, на «УАЗике» доставили к Амударье, по которой строилась понтонная переправа. При внешнем спокойствии все были напряжены до предела и только Лёха подшучивал:

– Не волнуйтесь, пацаны, я ещё не нашёл замену устрицам, но обязательно изобрету.

– Ты, случаем, местные горы с Куршавелем не перепутал? – поддел его Санька.

– А что это такое и с чем его едят? – заинтересовался Лёха.

– Курорт это во Франции, – пояснил Игорь, вспомнив, что они вместе с другом читали в «Огоньке» про горнолыжный курорт, – только там на лыжах ходят, а ты всё на заднице норовишь скатиться.

Они пытались отвлечься, ожидая, когда же их пересадят в бронемашину. Но суета, начавшаяся вдруг возле чёрной «Волги», дошла до них:

– Отбой, – капитан подошёл к водителю и велел ему отвезти бойцов на вертолётную площадку.

Их снова перебросили, но в этот раз вертолёт взлетал и опускался несколько раз. В итоге на базе оказалось двадцать четыре человека, среди которых не нашлось ни одного, который бы выглядел испуганным салагой. Мероприятие готовилось серьёзное, но, насколько парни выяснили, оно состоится только спустя две недели. Правда, теперь каждый знал поставленную перед группой задачу.

Шестёрке Полкана предстояло взорвать центральный коллектор связи в городе по ту сторону Амударьи – в Кабуле.

– Телеграф, телефон, почта – всё как по Ленину, – сострил Санька, хотя дело было совсем нешуточное.

Он понимал, что именно они импортируют в чужую страну революцию, а нужна она афганцам или нет, решать не ему.

Взрыв, устроенный ими как выстрел Авроры, должен был послужить сигналом к началу штурма дворца. Их переправили в Кабул с мусульманским полком и точно так же экипировали.

По полученным разведанным коллектор располагался под землёй на одной из центральных площадей Кабула, рядом с зданием телеграфа и Госбанка, которые охранялись усиленными нарядами милиции. На этой же площади находился кинотеатр и ресторан. Иначе говоря, место многолюдное. Совершить подрыв, оставаясь незамеченными, было крайне сложно. Да что там... разведку провести – и то было трудно. Приподнять крышку чугунного люка, чтобы заглянуть, что в нём, когда по площади регулярно снуёт парный патруль афганской милиции, можно было только расстреляв этот самый патруль.

Но они нашли выход: точно такой же «семёновский» коллектор на окраине Кабула никем не охранялся, а потому его удалось детально изучить. Комната пять на пять, высотой в три с половиной метра, сверху – бетонное перекрытие в метр толщиной. Чтобы снять крышку с люка, нужны были специальные клещи, и молчаливый Олег сумел выковать их. Вот они – русские умельцы. Попробовали – получилось здорово.

Санька с Полканом занялись расчётом мощности заряда согласно базальту, добавили на качество, и получилось почти три пуда тротила.

Они достали армейскую взрывчатку, которая должна была сработать с неконтактным сосредоточенным зарядом. Олег колдовал над ними, проверяя в банке с водой, – срабатывают.

Операцию решили проводить из здания, где жили дипломаты: от него до площади пять минут езды. Игорь, просчитывавший действия каждого по секундам, предложил включить в команду водителя, который хорошо знал фарси.

Двадцать седьмого декабря в семь вечера они выехали на «УАЗике», следом за ними шла «Волга» и ещё один «УАЗик» с группой прикрытия. Прикрытие заняло позицию у ресторана, а группа Полакана – у колодца. По условному знаку, дверь машины второго «УАЗика» громко хлопнула, что означало: парный афганский патруль находится на посту и в обход не собирается. Водитель подошёл к часовому у телеграфа, чтобы отвлечь его внимание, Руст, подняв капот, делал вид, что устраняет неисправность, Рыжий и Игорь отработанными движениями сняли щипцами крышку люка, Полкан и Санька опустили в колодец рюкзак со взрывчаткой, отправив вслед за ним дымовую гранату, которая неожиданно засверкала новогодним фейерверком. К счастью, никто не заметил, и Лёха с Игорем быстро опустили крышку люка. Окликнув водителя, который увлечённо болтал с часовым, сели в машину и рванули с места.

Руководство не ожидало такого быстрого возвращения и несколько раз переспрашивало, всё ли верно сделано. Часы показывали пятнадцать минут восьмого вечера – время, установленное на взрывателе.

Полкан тёр подбородок пятернёй, Санька, сжав зубы так, что желваки ходили, глядел на Игоря, а тот думал, где они могли ошибиться, но тут раздался взрыв. Первый в долгом ряду.

В Москве в программе «Время» в этот день передадут о введении ограниченного контингента войск в Афганистан. Только Михаилу Никифоровичу Гордееву было не до этих известий. Жена ему преподнесла такую новость, от которой мужчина впал в ступор. Ничего не видел и не слышал.

ГЛАВА 5

«Ах, Алёнка, куколка! Чего же ты натворила? Ведь всю жизнь себе испортила! И было бы из-за кого... Ладно бы красавец, каких свет не видывал, а то без роду, без племени», – глядя в светящееся огнями иллюминации окно, рассуждал Михаил Никифорович, уже немного спустя, после того как улеглась первая волна негодования на жену и дочь. А он уж начал думать, не заболели ли они обе разом: Новый год на носу, а подарков под ёлку не заказывают.

Вот подарок так подарок преподнесла любимая доченька... Как людям теперь в глаза глядеть? Ведь он надышаться на неё не мог, одна она у них, припозднились они с Лидией с детьми. Старой крестьянской закалки, рождённый в двадцать четвертом году, он остался без родителей: сослали их в Казахстан. Да по дороге болезнь всех скосила – он один и выжил. Мать его ещё совсем грудного от сердца оторвала, оставила родне, чем и спасла.

Воспитывала Михаила Никифоровича тётка по отцу, у которой своих мал-мала меньше. Что уж говорить про одежду, когда сыт не всегда был... Нет, тётка не злая и не скупая была – чем богаты, как говорится... Только ему без кола и двора не с руки было жениться. А потом Советская власть выучила: сначала на рабфаке, а потом агрономному делу.

Он помнит, как отделился от тётки: братья двоюродные женились разом и пока пристрой делами, спали все на отделённых занавесками кроватях. Сколько ночей он слушал, как сопят они со своими жёнами в метре от него. Тогда он у бывшего председателя колхоза разрешение взял – спать прямо в правлении на скрипучем дермантиновом диване. Потому и на работу раньше всех приходил и уходил позже всех.

В результате заметили его в области, и для начала отправили председательствовать в соседний колхоз, который после войны всё никак из ямы выбраться не мог. Вот тогда он первый раз своё жильё получил – заброшенный дом. Наверное, из него когда-то выслали хозяев... А он, суеверный, прощения у домового попросил за то, что вошёл хозяином.

Молодой был, сильный, энергичный – днём на работе, а вечерами летними потихоньку домишко в порядок приводил, да вот только кроме стола, табуреток и деревянного топчана в нём ничего и не было. Одежду, какая у Михаила Никифоровича была, на гвоздь в стене вешал. Это сейчас у председателей колхозов дома лучше и богаче всех в деревне.

Видимо, за эту простоту народ его и полюбил, ведь слушались и рвали жилы и в посевную, и на прополке, а уж про уборочную и говорить не приходится.

Трудное время было, но почему-то счастливое. Оказаться бы опять в нём – променял бы своё место в обкомовском кресле, где, сколько не гоняйся по области, не снимай с бедовых голов стружку, всё равно сплошные приписки, чтобы в центр отрапортовать об успехах. Может, стар он стал, но захотелось ему вдруг на покой. Или опять в деревню с Лидией.

Ему уж тридцать три исполнилось, когда она учительствовать в его колхоз приехала. Могла бы и в городе устроиться: как-никак дочь героя войны – генерала Авдеева. Мать её до сих пор себя генеральшей чувствует, а ведь к восьмидесяти ей... Только Лидия романтики захотела и бедноты не испугалась. Правда, стараниями Софьи Андреевны дом быстро оброс вещами. Но, слава богу, не жила она с ними: уж больно въедливая бабёнка, таких сроду с простолудинками не спутаешь.

Она, конечно, стара, но до сих пор ровно голову держит. Небольшого роста, но как будто выше всех. Вот завтра он с ней непременно поговорит, как это они, две гусыни, одного лебедёнка не углядели.

Ах, Алёнка, Алёнка! Если бы раньше сказала матери, может, они что-нибудь бы и придумали по своему бабьему делу... Ну а теперь-то что? Четыре месяца уже ребятёнку. Шевелится, шустриком расти будет.

Попробует он завтра вывести, куда этот гусь делся. Как бы на смех самого не подняли... дочь даже фамилии смельчака не знает, только имя – Александр. Нет, таких Александрами не кличут, Санька он и не больше. Хорошо, что хоть фамилию друга знают – Кузнецов.

Михаил Никифорович отошёл от окна, из которого тянуло холодом. Зима, а снега кот наплакал – помёрзнут озимые...

Прокрался на цыпочках к комнате дочери, приоткрыл дверь. Свет из коридора осветил бледное исхудавшее лицо Алёнки.

«Вот два старых глупца, – подумал он про себя и жену, – ведь ещё в октябре, когда отдыхали в Сочи, мутило её от шашлыков и рвало. Только мы ж тогда решили, что отравилась чем-то она... А тут, оказывается, в подоле принесла, непутёвая».

ГЛАВА 6

Софья Андреевна узнала о беременности внучки только после разговора дочери с зятем. Было ли это для неё ударом, неизвестно, но бессонницу, на которую её редкие подруги жаловались при встречах, она использовала с толком. Чтобы не выглядеть завтра перед зятем ошпанной курицей, она продумала весь разговор до мелочей.

Ах, как ко времени эта война в Афганистане. Её Владимир Петрович опять бы сказал: «Софи, ты не потопляема». Конечно, не такой судьбы она желала своей непревзойдённой красавице-внучке. Только Софья Андреевна, несмотря на то, что была из бывших, а, может быть, именно благодаря этому когда-то в молодости имела бурный роман. Жаль, что внучке об этом рано ещё рассказывать.

Давно это было для других, а сама она помнит его как сейчас... Ухаживал за ней Владимир, тогда командир конного отряда, совсем не по-дворянски. Некогда ему было: революцию делал. И сбегала Соня из дома, когда папенька её, земский врач, крепко засыпал. Его тогда и день, и ночь вызывали к больным да раненым. Прислуга помалкивала: она же барышня, они ей не указ. Грешна она всё-таки перед родителями... Сеновал у них тёплый был, сена запасали много – куда же земский врач без лошадей... И ведь её Володя сначала огонь и воду прошёл, а только потом посватался.

Нравилась ему её смелость и отчаянность. Она умела перевернуть всё с головы на ноги и при этом остаться правой. Он ей признавался, что никогда бы без неё генералом не стал. Жалко, после войны раны его в могилу свели. Но она до сих пор с ним советовалась. И получалось.

Наверное, и сейчас кивает головой на то, чего это Лидия удумала – отправить внучку к сестре Михаила в деревню, чтобы она там выносила младенца да родила. Они здесь, значит, от жиру беситься будут, а девчонка – на сносях в деревне щи пустые хлебать.

Софья Андреевна понимала, что зря себя накручивает, потому что никто в деревне пустых щей не ест. Но к утру она была готова постоять за себя и за внучку.

Лидия Владимировна ждала мать раньше, желая с её помощью выработать одну линию поведения, но та приехала когда она уже накормила мужа ужином.

Алёнка поела до его прихода и сидела в своей комнате, листая конспекты. Но мыслями витая если не в облаках, то, по крайней мере, где-то рядом с Сашей. Ей казалось, что он не такой суровый и равнодушный, каким был с ней, после... после того самого. Она желала, чтобы он признался ей в любви и сказал, что обязательно приедет к ней и поможет растить сына. Правда, она не знала, кто у неё будет, но ей хотелось сына, похожего на отца, с такими же глазами зелёными, словно крыжовник, и с ресницами густыми, как у девчонки. Она сейчас с удовольствием бы поела крыжовника – кислого-прекислого...

Мать гремела на кухне посудой, когда раздался звонок в дверь, и Алёнка тотчас метнулась к выходу.

– Софочка, как я рада тебя видеть!

Ещё когда Алёнке было два годика, бабушка сказала ей:

– Какая я тебе бабушка! Я Софочка – так меня твой дед звал.

С тех пор минуло добрых семнадцать лет, но Алёнка звала бабушку Софочкой, как и её оставшиеся в живых подружки.

– Я тебя тоже. Хотя и сердита на тебя: совсем ко мне ездить перестала.

– Софочка, прости... мне просто некогда.

– Доброго здравия вам, Софья Андреевна, – поприветствовав тещу, Михаил вышел из кухни и помог снять каракулевую шубу с худеньких плеч женщины.

– Да не больно-то добрый, раз пришлось в такой холод тащиться. Нельзя, что ли, было машину за мной прислать? – заворчав, тёща пошла в наступление.

– Здравствуй, мама, – Лидия ткнулась ей губами в щёку. – Чай будешь?

– Буду, ведите меня в кухню да рассказывайте, что случилось, почему так срочно вызвали?

– А то вы, Софья Андреевна, не в курсе, что внучка ваша меньше чем через полгода вас прабабкой сделает, – уколол пробным выпадом Михаил Никифорович. – Да и байстрюк будет явно не из дворянского сословия.

– Это с каких пор дети героев войны у нас байстрюками считаются? – парировала укол тёща. Михаил думал, каким боком она сюда покойного тестя приплела, да та не дала ему опомниться: – А разве не героизм – за Родину воевать? Или ты, Миша, не знаешь, что наши войска в Афганистан вошли? Недосуг было твоему будущему зятю за женскую юбку прятаться. Вот вернётся – и распишутся.

До Лидии и Михаила стало доходить: а ведь и впрямь можно всем окружающим эту версию выдать, чтобы не перемывали они косточки ни им, ни дочери. А потом скажут, что, мол, погиб героически. Пусть попробуют проверить... Михаил Никифорович сегодня попытался по своей обкомовской связи выйти на начальника училища. Его соединили, только тот сказал, что никогда такие здесь не учились. Гордеев давно себя таким глупцом не чувствовал... Ну ладно бы Санёк обманщиком был, а ведь Игоря-то Кузнецова Михаил сам видел в военной форме...

Может, тёща и права. Во всяком случае, не придётся Алёнку у родственников прятать – даже от души отлегло.

– Так, ладно, мама, давайте-ка уже по коньячку за внука героя, а то пересохло что-то от ваших нападков в горле, – просипел Михаил Никифорович, а Алёнка радостно бросилась на шею бабушке:

– Софочка, я так тебя люблю!

– Я тоже, – подмигнула ей Софья Андреевна.

Она со своим маленьким ростом опять оказалась на коне.

ГЛАВА 7

Виктору показалось странным, что Алёнка сторонится его. С лета они практически не встречались – так, пару раз ходили в кино и то на дневные сеансы. В сентябре он отдыхал с матерью на юге, и там познакомился с отчаянной девчонкой Любашей. Она который год приезжала на море одна, без всяких путёвок. Снимала квартиру и гуляла в своё удовольствие.

Он был у неё, в этой съёмной комнате – теснота ужасная и душ во дворе. Но зато вход отдельный, и хозяйка не спрашивает, про гостей.

По возвращении Алёнка, по сравнению с Любашей, показалась ему невероятно пресной. Только они даже не успели толком пообщаться: через пару дней она с родителями укатила на юг, потом весь ноябрь отказывалась от встреч с ним, объясняя нехваткой времени из-за загруженности по учёбе. Но сегодня он решил выяснить всё до конца.

До Нового года три дня осталось, а он до сих пор не знает, где и с кем встречать будет. Предки Славки Любимова дачу ему оставляют в полное распоряжение – хорошо бы туда попасть. И Алёнке со святостью своей пора расстаться, всё равно не в марте, так в июне поженятся.

Он подошёл к ней после второй пары: третьей не будет – преподаватель болен. Вот враньё-то... Все студенты знали, что Борис Иванович загулял. Предложил Виктор Алёнке сходить с ним в кафе-мороженое. Денег у него не было, но она сама не из бедных, так что он, пословившись без дела целую пару, всё-таки дождался её.

Выйдя из института, Витька первый раз после лета разглядел лицо девушки на свету, и оно показалось ему незнакомым – что-то новое появилось в нём.

– Тебе какое брать? – спросил он, когда, сняв пальто, Алёнка подошла к столу. Сам он повесил куртку на спинку стула. – Твоё любимое с мёдом и орехами?

– Нет, мне с лимонным соком, – поморщившись, ответила она.

Ей сейчас не хотелось слишком сладкого, ей вообще не хотелось встречаться с ним... Просто надо поставить точку. Кафе, конечно, – это не самое подходящее место, но приглашать его домой или выяснять отношения в холле института было бы ещё хуже.

– У тебя денег не будет?.. Я на мели, – предупредил Виктор, вставая с места.

Алёнка отдала ему десять рублей, и вскоре он поставил перед ней розетку с мороженым.

– Ешь свою кислятину, а я погляжу, как ты будешь морщиться, – плоско пошутил он, но Алёнка, выбирая ложечкой лимонные струйки с поверхности мороженого, ощутила, наконец, желанный вкус.

– Витя, я должна тебе сказать что-то очень важное, – начала девушка и замолчала, не зная, как продолжить и утешить человека, с которым встречалась так долго, не понимая, что не любит его.

– Если это важное, например, дата свадьбы, то я могу предположить, что ты назначишь её на июль.

Да, она давно мечтала о свадьбе, но мать Виктора не хотела становиться бабушкой слишком рано, а потому отодвигала торжество на окончание учёбы.

– Нет, Витя, свадьбы у нас не будет. Я бы хотела остаться с тобой друзьями, но ты, наверное, не захочешь. Витя, – мягко произнесла Алёнка, – я люблю другого человека.

– И кто же это? – опешил он. – Неужели тот фраер в военной форме? Вот уж не знал, что тебе нравятся неотёсанные мужики.

– Его зовут Александр, и он не неотёсанный мужик, – зачем-то бросилась на защиту девушка, хотя не хотела говорить Виктору о нём.

– Значит, успел он здесь наследить... – проговорил молодой человек, втягивая тёплый воздух помещения, так как взял в рот большой кусок мороженого.

– Что значит – наследить?

– Пришёл, увидел, наследил – так Александры делают, и твой уже не первый.

– Витя, я бы не хотела ссориться с тобой...

Алёнка хотела сочувствующе погладить его по руке, но он, выдернув ладонь, бросил зло:

– Да катись ты! – Схватил куртку и вышел из кафе.

Вечером, когда вернувшаяся с работы мать позвала его к столу, он буркнул, что не хочет есть. Алла Григорьевна, не расслышавшая из кухни ответа, заглянула в скромную спальню двухкомнатной квартиры.

– Виктор, – произнесла она с ударением на последний слог, – хватит капризничать.

Однако узнав причину, разволновалась не на шутку. Сорокадвухлетняя женщина мечтала доучить сына и женить его на обеспеченной девушке, чтобы наверстать упущенное без мужской ласки время. Муж её, инженер, уехал однажды в командировку за комплектующими для производства, да только потом не вернулся. Сам укомплектовался в другую семью.

Алла и в местном автозаводе обращалась, и в профком – только себе навредила. Позже выяснилось, что там, в другом городе, мужа понизили в должности за аморальное поведение, и алименты на целых двадцать рублей женщина стала получать меньше, но мужа, разумеется, вернуть не смогла.

В бухгалтерии она доросла до главного, но на взрослого парня приходилось тратить, а на себе – экономить. Впрочем, ещё больше Аллу Григорьевну страшил осенний призыв в армию: учёба закончится, и сына запросто отправят в Афганистан. Михаил Никифорович мог бы похлопотать за зятя, а теперь что же? Ещё не зная, что скажет, она набрала телефон Алёнки.

ГЛАВА 8

Лидия готовила ужин к приходу мужа. Дверь хлопнула – это Алёнка возвратилась с занятий: бледная, уставшая, измотанная и сразу же легла отдохнуть.

В тишине было слышно тиканье настенных часов да шипение жарящегося в сотейнике мяса. Женщина прикрыла дверь в комнату дочери и вовремя – зазвонил телефон.

– Алло, – негромко проговорила она в трубку, – здравствуйте, Алла. Нет, она спит. А что вы хотели ей передать? Да, я знаю, я тоже надеялась в будущем назвать Виктора зятем, но дети сейчас не слушают родителей. Нет, Михаил Никифорович задерживается. С вводом войск в Афганистан они каждый день совещаются о чём-то. А что, Витю уже вызывали в военкомат? Я поговорю с мужем, но у него нет связей там... Как вы понимаете, дочь у нас невоеннообязанная, поэтому нужды не было. Вы уж лучше завтра мне позвоните: муж раздражённый приходит... но я попытаюсь выяснить у него, сможет ли он чем-нибудь помочь Виктору. До свидания, – попрощавшись, она положила трубку и несколько минут стояла как выкопанная.

Вот ведь как бывает – почти родственниками считались, а теперь всё разрушилось.

Она прошла в кухню, выключила плиту и открыла форточку, а то опять дочь мутить будет от запаха мяса.

Четыре месяца малышу, а у Алёнки даже животика незаметно. Конечно, сколько она в одиночку переживала, сейчас хоть полегче будет, не надо от них своё состояние скрывать.

Мать уже начала готовить почву для общественности. Лидия усмехнулась, подумав, что бы она сказала, узнав, что Виктор хочет всеми неправдами от армии уклониться?... Господи, им бы фотографию «героя» раздобыть, а то Софья Андреевна подругам, что местным радио на скамейках у подъезда работают, такую романтическую историю рассказала, якобы влюбились Саша с Алёнкой с первого взгляда без памяти друг в друга, а ему на войну уходить надо. Вот Алёнка и решила живую память о нём сохранить. Как только вернётся – тут же свадьбу сыграют.

И её мысли тотчас перекинулись на будущего внука. Она сегодня в «Детский мир» заходила. Смотрела пелёнки, распашонки. Всё какое-то унылое, бледное. Надо будет попросить кого-нибудь из знакомых, кто в Прибалтику поедет, привезти оттуда детское приданное. Лидия видела у сына секретаря обкома на ребёнке такие красивые вещички, что малыш как игрушка выглядел.

Может, кто и злорадствовать будет, только женщине очень хотелось маленького: она с Алёнкой не наигралась, уж больно быстро дочка выросла. Вот и сейчас муж на работе, Алёнка спит, а ей бы поныть с малышом. На работу она перестала ходить как только до выслуги доработала, а дом и дети ей не в тягость.

Она чуть было не задремала в кресле, в котором муж после обеда отдыхал, но ещё до звонка в дверь услышала шаги на лестничной клетке, вскинулась, поспешила открыть.

От мужа пахло морозом и усталостью. Лидия приняла у него пальто и шапку и, пока он снимал сапоги, прошептала:

– Алла Григорьевна звонила, тебя спрашивала.

– А я ей чем помогу?... Или она на мне сына женить хочет? – проворчал Михаил.

– Тише ты, Алёнка спит, совсем нисколько не поправляется, а уж пора. Идём на кухню.

Пока он мыл руки, Лидия привычно сновала от плиты к столу, раскладывая приборы и салфетки, как учила её мать, хотя знала, что Миша с удовольствием бы поел мяса со сковороды. Он с молодости любит соскоблить так называемые зажаренки.

Михаил, сев за стол, наконец расслабился:

– Налей мне сто граммов, Лидок – устал я сиднем сидеть в кабинете, да и новости не больно хорошие из Афганистана. Хоть и говорят, что дружественная страна, да сегодня ука-

зание давали про «груз двести» особенно не распространяться. А как скрыть от людей, если матери по сыновьям голосить начнут на всю область?.. Вот тебе и други.

Он выпил налитую женой рюмку, похлебал немного борща. Видя, что ест муж без аппетита, Лидия налила ему ещё рюмочку:

– Выпей да закуси как следует.

– По какому поводу праздник? – Алёнка с припухшим ото сна лицом вошла в кухню. – Мам, мне картошки и капусты квашеной. Мясо не клади, хорошо?

– Хорошо-хорошо, садись давай, чтобы дважды не разогревать.

– Мать жениха твоего бывшего звонила... Господи, не запутаться бы в них теперь.

– Мам, ну у меня их и было только двое, чего уж там путаться. Ну простите вы меня, глупую, – голос девушки зазвенел от слёз, которые были так близки на подходе.

– Мать, уж переговорено об этом, – заступился отец, видя, как задрожали губы дочери.

– Так чего хочет Алла Григорьевна? – сменил он тему.

– Она, Миша, хочет, чтобы ты Виктору помог армии избежать.

– Как это – армии избежать? – Михаил, попавший на войну в сорок третьем, успел послужить Родине, до Венгрии дошёл и медаль имеет «За взятие Будапешта». – А кто же нас защищать будет?

– Я ей ничего не обещала, Миша, – открестилась от просьбы Лидия. Она знала, как он не любит использовать служебное положение, но ночью, когда муж будет ворочаться без сна, она всё-таки скажет ему: – Миша, найди кого из знакомых, а то она со зла на Алёнку всех собак навешает.

– Я подумаю, – хрипло буркнул тот, но тут же затих. Из ванны донёсся шум – Алёнку снова рвало. – Ты бы сходила с ней в больницу, уж вторая половина беременности, а её всё тошнит.

– Завтра же и свожу, а то праздники начнутся и врачей не сыщешь.

ГЛАВА 9

Эйфория по поводу почти бескровного взятия дворца Амина вскоре прошла. Из их группы в двадцать четыре человека при штурме погибло четверо. Санька перебирал в памяти лица тех, кого отправили в Союз «грузом двести». Представить, что этих молодых парней больше никогда не будет на свете, было невозможно. И хотя он почти не знал их настоящих фамилий и имён, ощущал боль в сердце. Если кому-то суждено погибнуть из них двоих, уж лучше пусть он, чем Игорь.

Даже салаги из мотострелкового полка понимали, что руководство ошиблось в своих планах. Понятие «Интернационального долга» было только у них – афганцы же приняли их как иностранцев с оружием в руках и отчаянно сопротивлялись их вторжению.

Старый вояка Полкан достал откуда-то книгу «Англо-Афганская война» и сказал читать – ничего за сто лет не изменилось. Нашёл для них переводчика, который учил их, если не разговаривать, то понимать дари – язык, на котором общается большинство жителей Афганистана.

Разведка оппозиции знала маршруты, которыми пройдут колонны и встречала их на пути. Однако бойцы доверяли Полкану больше, чем самим себе, но он вдруг поставил командиром Саньку. Руст затаил обиду на обоих, но Санька в первой же самостоятельной операции по сопровождению колонны бронетранспортёров заставил поверить в себя.

Случилось это возле кишлака Каджаки-Суфла. Колонна попала под прицельный огонь, а местность вокруг оказалась заминированной. Санька отдал приказ командирам взбираться на господствующие высоты. Наклон был критическим, машины могли перевернуться, зато можно было не опасаться мин: зная, что взобраться на такие кручи невозможно, моджахеды не посчитали нужным минировать дорогу. И просчитались. Точный расчёт командира был тем удивительнее, что в начале боя он получил первое ранение в голову – нелепое, о крышку люка, к которой его подкинуло взрывом под гусеницей.

Очнулся он уже на носилках. Встал, вытер кровь, заливавшую глаза, приложил тампон и пошёл к соседней машине. Фельдшер было попытался удержать его, но через пару минут Санькин голос опять звучал в эфире. Он требовал ускорить выход на господствующие высоты.

Четверо суток шли бои под Каджаки-Суфла. Противнику не удалось не то, что разгромить колонну, но даже нанести сколько-нибудь ощутимый урон. И самое главное – погибших не было совсем.

Про то, что в Союзе наступил Новый год, они с Игорем вспомнят, когда тому в начале февраля придёт письмо из дома.

ГЛАВА 10

Марина приехала на зимние каникулы домой, понимая, что родители сходят с ума от беспокойства за Игоря. Где он? Что с ним? Слухи – самые страшные – распространялись молниеносно. То из одного, то из другого района приходили печальные подробности похорон совсем молодых мальчишек. Убивал запрет на вскрытие цинковых гробов – матерям казалось, что, если не разрешают увидеть в последний раз родное лицо, то какую же муку выдержал их ребёнок перед смертью. Иногда думалось, что там вообще не их сын: ну не может он, такой юный и полный жизни, умереть.

Марина была благодарна Татьяне, подруге Игоря, за то, что она не оставляла её родителей. Они рассматривали фото, ища среди них самую свежую. И всё-таки нашли одну. На ней они с другом были в гражданской одежде – видимо, в увольнении – и ели мороженое. Да до того беспечно улыбались, как будто не было у них впереди никаких испытаний. Может быть, они о них знали, а может, и не догадывались вовсе.

В этот самый момент, когда с круглого стола зала, засыпанного фотографиями, девушки выхватывали то один, то другой снимок, вспоминая связанные с ним истории, в дверь позвонили. Марина побежала открывать – на пороге стояла Алёнка.

Летом Марина уехала в другой город, не попрощавшись с ней. Она тогда сердилась на брата, который увёз её к бабушке в деревню, тогда как Алёнка могла запросто влюбить в себя его друга. Но сейчас об этом забылось. Она помогла подруге раздеться, подула на пушистую шапку из чернобурки, прежде чем положить её на полку, разгладила воротник пальто – какой красивый... А Алёнка засмушалась, чувствуя себя виноватой из-за того, что у Марины нет такого.

– Ой, ты поправилась! – воскликнула девушка, а её мать, подошедшая к двери, осуждающе взглянула на неё.

– Я теперь буду толстеть как на дрожжах, – проговорила Алёнка, поправляя свободный свитерок.

Но Марина, не понявшая взгляда матери, озабоченно переспросила:

– Что с тобой?

– Глупая, дай я тебе обниму, – с этими словами она прижалась к подруге, и та почувствовала плотный холмик её живота.

– Кажется, я начинаю понимать, в чём дело, – она отстранила Алёнку от себя, внимательно разглядывая её. – Замуж вышла?

– Давай об этом потом... Как вы поживаете? – обратилась она к матери подруги. – Есть ли новости от Игоря?

– Нет, доченька. – Улыбка сошла с лица женщины. – Никакой весточки от него... Всеми ночами Бога молю, чтобы уберёг его... – Слёзы, готовые пролиться, ещё дрожали в глазах.

– Мама, прекрати оплакивать его заранее. Всё хорошо с нашим Игорем, с ним всё будет хорошо. Правда, Таня? – обратилась она к вышедшей из зала девушке.

– Правда, – ответила та, но тоже заплакала.

– Ой, я совсем забыла, – отвлекла их Алёнка, чуть сам ударившаяся в рыдания, – я же торт принесла. – Она достала из целлофанового пакета коробку. – Кажется, не помяла...

– А и правда, давайте чай пить, – сказала тётя Надя. – Дочь, поставь чайник, а я отца подниму.

Таня вышла в кухню с Мариной.

Алёнке хватило одной минуты разглядеть на столе среди нескольких десятков снимков фотографию Саши. Зная, что это нехорошо, она всё-таки спрятала её под свитер и весь вечер проверяла, не выскользнула ли та из-за пояса юбки.

Вернувшись, Марина сгребла в коробку из-под туфель все фотографии и расстелила скатерть.

– Заходи к ним почаще, Алён, к то они совсем есть перестали.

Словно в доказательство её слов, из спальни, застёгивая на ходу рубашку, вышел отец. Алёнка бы не узнала его, встретиться с ним на улице: до того тот исхудал.

– Здравствуйте, дядя Коля.

– Здравствуй, Алёнка. Ты молодец, не побоялась чужих языков, зато у парня продолжение будет.

Татьяна опустила глаза, ведь им не расскажешь, что она тоже Игоря упрашивала на малыша, только он наотрез отказался. Зато Алёнка впервые услышала искренние слова одобрения от постороннего человека и, обняв его за шею, захлопала носом.

– Всемирный потоп, – заключила Марина, ставя чайник на стол. – Ой, киевский – мой любимый, – восхитилась она, сняв крышку и облизывая палец.

И вновь разговор закрутился вокруг войны в Афганистане: негромкий, все пытались понять, зачем там наши войска, кому они помогают и кто там убивает их детей и любимых.

ГЛАВА 11

Алёнка ушла в девятом часу вечера. Она отказалась от того, чтобы её проводили, но когда спускалась по лестнице, навстречу ей шёл мужчина, наверное, раза в два старше Саши и очень похожий на него. Нет, глаза у него были другого цвета и ростом пониже, но всё равно... вот похожий чем-то...

Смотрел он так же, словно фотографировал, хотя и задержался на ней взглядом на несколько секунд. Она спустилась на один пролёт и оглянулась – он шёл к Кузнецовым.

Постояв, Алёнка побрела домой. Вдруг вспомнив, расстегнула пальто, подняла свитер и, найдя фотографию, остановилась под фонарём.

Он улыбался ей. Девушка прикоснулась губами к лицу, которое врезалось в её память. Господи! Она комсомолка, но обязательно будет верить в Бога, если он оставит Саньку в живых. Это несправедливо, если он даже не узнает, что у него будет ребёнок. Ей не надо алиментов, она вырастит... они вырастят: все, начиная от бабушки и заканчивая ворчливым папкой, ждут появления малыша. Мама вяжет носочки и шапочки, отец заказал детскую коляску и одежду в разных концах страны, куда едут его знакомые. Ей ничего от него не нужно, только немножко любви.

Алёнка знает, что за её спиной перешёптываются, но никто ни разу не сказал вслух о том, какая она глупая. А бабушкины подруги обязательно остановят и расспросят о самочувствии. Софочка молодец, она не умеет ни шить, ни вязать, но с ней интересно, как с подружкой. Она выпытывала у Алёнки, хороший ли Санька любовник, а девушка, краснея, ответила правду:

– Не знаю, я была с ним только один раз, а других у меня не было.

– Потому-то и залетела, что глупая, – Софочка сочувственно гладила её плечи и руки, когда Алёнку в очередной раз стошнило.

Они ходили с мамой к врачу – тот велел ей быть осторожной, потому что резус крови отрицательный, и если Алёнка не доносит этого младенца, то рождение второго может и не состояться.

Опасность патологий у ребёнка возрастает. Поэтому она, несмотря на то, что поправилась совсем немного, ходит медленно и нисколько не злится из-за тошноты.

«Больше положительных эмоций» – это указание в семье выполняют все, кроме Саши. Хоть бы узнать, что он жив и здоров и... и чуть-чуть любит её.

После ухода Алёнки в квартире Кузнецовых воцарилась тишина, которую, кашлянув, прервала мать:

– Что же ты, Марина, так неуклюже с подругой-то?

– Я что-то не поняла – Витька что, в армию ушёл? – спросила девушка, слизывая крем с оставшегося кусочка торта.

– Да не от Виктора она ребёнка ждёт, а от какого-то другого парня, который в Афганистан уехал воевать.

– И давно Алёнка беременна? – Марина внимательно глядела на мать, начиная догадываться о чём-то, но в дверь вновь позвонили, и она побежала открывать. – Вам кого? – не очень любезно спросила она у незнакомого мужчины.

– Кузнецовы здесь живут?

Мать, хватаясь за стены, побежала к выходу, а отец изменился в лице и вскочил, уронив стул.

– Это от Игоря? – выдохнул он. – Что с ним?

– Всё в порядке, – раздался по-военному чёткий голос, – я с весточкой от него.

Но матери стало плохо, она никак не могла вздохнуть. Её усадили, Марина накапала «Корвалола», видя, что и отец бледный, дала выпить и ему.

– Полканов Павел Егорович, – представился мужчина. – Меня тут в Союз командировали, и я решил к вам заехать, сказать, что с вашим сыном всё в порядке. У меня час времени – вы письмо ему соорудите.

– Сейчас-сейчас! – воскликнули обе девушки, Таня и Марина. – Вы садитесь. Чаю попейте, у нас и торт есть.

– Может, чего покрепче? – спросил отец.

– Спасибо, крепкого я уже выпил, а от чаю не откажусь.

Девушки, слушая тихое повествование о том, что жизнь у Игоря похожа на курорт, писали ему письма. Они не знали, что Полкан умеет владеть собой и его интеллигентная внешность – такой же камуфляж, как и гражданская одежда.

ГЛАВА 12

Полкану поручили набрать и подготовить ещё одну группу бойцов. Оставив вместо себя Саньку, он проехал по училищам. Советовался с начальниками и, выбирая добровольцев, понял, что подсознательно ищет детдомовских.

Почему? Он бы не мог ответить. И совсем не потому, что их некому оплакать. Может быть, потому, что сам он был послевоенным сиротой? А может, глядя на Саньку, понял, что они самой жизнью запрограммированы на выживание.

Идя по улицам города, он чувствовал себя здесь чужим. В голове не укладывалось, как люди могут веселиться, влюбляться, ходить в кино, когда там война... Павел понимал, что, не дай бог, будь война в Советском Союзе, люди бы так не относились к ней. Значит, эта война неправильная, под каким соусом её ни подавай.

Только родители тех, кто носит погоны, сейчас умирают от страха за своих детей. Взять отца Игоря – мужик прикурить не мог, так дрожали руки в ожидании плохой вести. Слава богу, набожным он стал за последние годы. Слава богу, он к ним не с похоронкой. Но кто знает, что случится завтра...

А Саньку никто не ждёт. Парень этот – прирождённый тактик. За друга порадует: тому и девушка, и сестра написали. Согреют и его их строки. Он не знал содержания писем, и хоть они были не заклеены, даже глазами не пробежал. Этот всё правильно прочитает.

Так и случилось: Игорь читал Саньке оба письма вслух, даже те строчки, где Танюшка упрекает его в том, что не подарил ей брачную ночь, а ещё лучше бы оставил ей ребёнка – не тосковала бы тогда она, некогда было.

Читая письмо Маринки, Игорь запнулся в том месте, где она пишет, что Алёнка ждет ребёнка. Он почему-то думал, что она нравится Саньке, а он – ей. Но, видимо, предпочла спокойную жизнь со своим Витьком. Он неплохой, в общем-то, парень, балабол только.

Эти два листочка, написанные торопливым женским почерком, смогли унести его мысли через горы, туда, где светились теплом окна и глаза любимой девушки. Видел Игорь и мать, дрожащую как осиновый листок, понимая, что если не вернётся, то и они с отцом на белом свете долго не задержатся.

Санька с молчаливой полуулыбкой слушал нехитрые строки о той жизни на гражданке, и всё ему казалось немножко наивным, но уходить от друга не хотелось, он как будто ждал чего-то ещё.

И дождался. Значит, замуж та глупышка вышла, и уж ребёнка успела смастерить. Кольнуло что-то в груди неумолимой досадой, но он отогнал от себя эту мысль. Спать надо: не знай, когда опять поднимут...

Спроси кто Марину, почему она не написала Саше, что ребёнок у Алёнки от него, она не ответит. Любила она подругу, но летом, когда Санька приглашал Алёнку на танцы чаще, чем её, Марине хотелось, чтобы та уехала куда-нибудь на это время или со своим Виктором ушла в другую кампанию. Ведь есть же у них другие друзья, обкомовские.

В этот момент забылось, что она всегда ценила в Алёнке её простоту в общении, без всякого зазнайства. Маринка у них много раз ночевать оставалась и объедалась икрой из пайков или колбасой копчёной «салями» – её только обкомовским и давали, в свободной продаже нигде не было. И списывать Алёнка давала, если Маринка зачитается романом и уроки не делает.

Домашним она не сказала, что стажироваться пошла на хирурга. Вдруг война не кончится – она тогда поближе к Сашке может оказаться.

Марина опять не попрощалась с Алёнкой. Даже по телефону. И от этого гадко было на душе, как будто она предала свою лучшую подругу.

ГЛАВА 13

Если вдуматься, то звучит очень страшно: они привыкли к войне. То есть если два-три дня не было боёв, то наваливалась тоска. Хотелось чего-то: или напиться, или обкуриться чарсом. До наркотиков они ещё не дошли, а за водкой, отвратно пахнущей и такой же противной на вкус, надо было лететь к духанщикам на вертолёт по обстреливаемому пространству. Обломки не одного вертолёта валялись среди каменистого ущелья – не все они после этого вновь вылетали на боевое задание.

Планы советского руководства по освобождению северных районов от оппозиции с помощью концентрации там боевой мощи, а затем переходом в соседний район, имели бы успех, если бы местные жители поддерживали советскую армию. Но стоило батальонам передислоцироваться, как моджахеды вновь атаковали их из только что освобождённых кишлаков. Вскоре на этот план махнули рукой, тем более что южные границы Советского союза надёжно прикрыли манёвренные группы пограничных войск, составив конкуренцию Сороковой армии, дислоцировавшейся в Афганистане.

Санькина группа ещё только отработывала тактику, которая после многочисленных, ничем не оправданных кровавых потерь, будет принята за основу борьбы с душманами. Но произойдёт это нескоро, хотя даже рядовые понимали, что только хорошо подготовленный состав способен справиться с хитрым врагом на его территории.

А пока их заговорённую группу раз за разом поднимали по боевой тревоге, перебрасывали порой на другой конец страны, чтобы ликвидировать очередной исламский партизанский отряд, на выручку которому спешили новые, хорошо обученные в Пакистане моджахеды. Самое современное оружие, поставлявшееся в Афганистан караванами верблюдов и машин, было опробовано против наших войск.

Этим утром перед Санькиной группой поставили задачу, которую впоследствии можно назвать будничной: с отрядом обеспечения движения сопроводить автомобильную колонну, гружённую бензином – КАМАЗы-наливники, «шаланды» в количестве пятидесяти единиц по маршруту Кабул – Газани.

Насколько опасным оказывалось сопровождение колонны, свидетельствовал приказ командира десантной части, доводившего до личного состава, что после пятнадцати сопровождений принимавших в нём участие офицеров, прапорщиков и солдат будут представлять к государственному наград.

Они примут колонну в Тёплом стане (пригороде Кабула) и под усиленным отделением десантников пойдут на расстоянии зрительной связи впереди. Армейская пехота равномерно распределится между наливниками. За замыканием колонны пойдёт танк. Над ними будут постоянно баражировать два вертолёт с огневой поддержкой. Над горными вершинами солнце нарисует алую полосу зари, но никто не будет любоваться ею.

Кишлаки всегда начинены сюрпризами. Говорят, два месяца назад здесь на фугасах подорвались два БМП и самыми лёгкими ранениями были контузии, кровь сочилась из ушей солдат.

Вдоль дороги стояла выведенная из строя техника. Лёха первым увидел обезглавленный труп солдата в форме афганской армии. Санька приказал осмотреть дорогу вокруг: и справа, и слева от неё. Оказалось, что на обочинах были установлены мины итальянского производства, рассчитанные на объезжающую труп технику. Олег и Лёха обезвредили их, как и мину под трупом, и колонна продолжила движение.

Выйдя из кишлака, который солдаты называли между собой «Бермудским треугольником», и пройдя километр, Санька вновь остановил колонну, и опять чутьё не подвело его: в

пяти метрах от обочины он выдернул провод, ведущий к управляемому минному полю, а где-то метрах в трёхстах сидел «дух», готовый нажать на кнопку.

Лёха перерезал одну жилу провода, а командир приказал обработать из гранатомётов прилегающую местность. Через десять метров от первого провода Олег нашёл второй, который вёл к ещё одному управляемому минному полю. Этот провод также перерезали.

Между минными полями душманы установили стреляную гильзу, которая бы помогла им установить середину «наливников» для уничтожения, но благодаря сильному огню по предполагаемому месту управления и работе Санькиной группы, минные поля не сработали, те самые фугасы, наполненные пластидом и кусками фосфора, от которого горит даже железо.

Работа духами была проделана титаническая: каждый подкоп с обочины – не менее полу-метра, а потому на обезвреживание территории ушло три часа. Если бы всё сработало, колонна сгорела бы как факел.

Загрузив все фугасы в отдельный БТР, в котором отсутствовал личный состав, кроме механика-водителя, колонна продолжила путь на Газни.

На одной из гор виднелось чёрное пятно – след разбившегося вертолёт да часть обломков двигателя. Экипаж сгорел. Их вертолёт покружились над горой, отдавая честь погибшим.

Населённый пункт Майдан-Шахар прошли без сюрпризов, так как в нём располагался афганский гарнизон. В общей сложности колонна прошла шестьдесят километров – это середина дороги между Кабулом и Газни, здесь их и встретило сопровождение. По приказу, назад они должны были возвращаться пустыми, но пришлось принять незапланированную колонну в количестве трёхсот единиц.

Не останавливаясь, они начали двигаться в сторону Кабула. Цепочка вытянулась на километры, и самое сложное заключалось в том, что их тягач по ширине занимал полностью всю дорогу. При любой остановке все следовавшие за ним машины тоже останавливались – отличная мишень для душманов.

«Замок» колонны передал, что за ними следуют мирные афганцы, везущие свой урожай в Кабул. Колонна двигалась медленно. Санька знал, что если они не вернутся в Кабул до пятнадцати часов, то в кишлаке перед ним их встретят моджахеды. Он приказал по радио связи сомкнуть колонну как можно теснее, остановив головную машину, а сам вместе с отрядом сопровождения и десантниками блокировал дорогу.

Взвод с минёрами медленно входил в кишлак. Командир опять разрушил замысел моджахедов, которые надеялись вывести из строя тягач и, расчленив колонну, легко уничтожить оставшуюся часть.

Санька приказал Игорю с группой десантников обойти кишлак справа от дороги, блокировав его сзади. Рустам с ещё одной группой обошёл селение слева, выйдя в тыл к душманам.

Для них это оказалось шоком. Когда кишлак был блокирован по флангам, Санька с группой сопровождения перекрыл ёлочкой дорогу в самом кишлаке и приказал колонне двигаться. Огонь большой плотности обрушился на колонну, однако свинцовый дождь с тыла охладил моджахедов, и вскоре по радиосвязи вскоре передали: «Сахар, у меня два трёхсотых». Пришлось посылать за ними БТР.

Одного десантника ранили в шею, и он вскоре скончался, а второго – вот что значит судьба – ранило пулей из английского ружья «бур». Она пробила бронежилет. Оказанная на месте помощь давала надежду спасти парня, но на крыльце госпиталя, до которого они добегутся через пятнадцать минут, на руках товарища, закрывающего сквозные раны ладонью, парень скончается.

С наступлением темноты вертолётчики, сбросив последние две авиабомбы, направятся в Кабул. Подбитый тягач загорелся, и Санькина колонна разделилась на две части, одной из которой пришлось искать объезд под пулями душманов.

Всё это время Санька испытывал действие адреналина, как будто соревновался со взбесившимся кабаном, применяя против него его же собственные уловки. Потом он почувствует пустоту внутри и холод, ляжет спать и проспит сутки до следующего задания.

ГЛАВА 14

О том, что с Санькой случилась беда, первой узнала Алёнка. Вернее, не узнала, а почувствовала. Был конец мая, она давно не ходила в институт: готовила дипломную работу. Защищаться девушка решила в керамике. Имелись у неё и изделия на гончарном круге, которые делала в мастерской настоящего художника, но сейчас она расписывала разрезанные на отдельные кусочки небольшого размера изображения старого города. Работала увлечённо – эмаль после обжига меняет цвет, и она старалась не допустить ошибки.

Сложив изделия в мощную муфельную печь – простая у неё и своя есть, – девушка позвала скульптора, Бориса Александровича, чтобы он проверил, правильно ли она уложила детали своего панно, не потрескаются ли они. Он посмотрел в зев пока ещё холодной печи, закрыл чугунную дверцу и включил её. А потом, опустив в стеклянную банку самодельный кипятильник, художник предложит ей попить чаю.

Радуюсь, что работа почти закончена, она распахнёт окно – на улице тепло, даже жарко, а здесь, в полуподвальном помещении, холодно. Алёнка была в лёгком платье, пузырившемся на животе. Портниха сшила с запасом, правда, живот у неё не вырос до таких размеров, хоть до родов и осталось всего-то две недели. Но, лишь только сев, почувствует сильный страх, побледнеет и покроется липким потом.

Борис Александрович, глядя на неё, сильно испугается и опрометью бросится наверх, где был телефон. Вызовет скорую, решив, что начались роды. Приехавший фельдшер, окинув роженицу беглым взглядом, подумает, что тревога ложная – живот ещё даже не опустился, но поможет ей дойти до машины. А в скорой Алёнке второй раз станет худо – все внутренности скрутит в узел, на миг и ей, и старой акушерке тоже покажется, что она умирает.

Скорая с воем помчится по улицам к ближайшему роддому. На глазах фельдшера живот с бульканьем опустится, по ногам потекут воды. Пожилая женщина будет ругать себя за то, что не подготовилась к приёму ребёнка и начнёт суетливо наставлять медсестру.

Но это было только начало Алёнкиных мук. Вскоре пришли схватки: сначала с большими перерывами, и в один из них её переведут из машины в палату к другим роженицам, а после звонка матери, которой о случившемся Борис Александрович сообщил после отправки, – переведут в отдельную палату. Только Алёнке было уже всё равно – схватки участились. Подъехавшая на такси мать держала её за руку, напоминая, как дышать, но девушка, ничего не слыша, сжимала её запястье с такой силой, что синяки потом держались больше недели.

– Мам, мама, это Сашу ранили, – прохрипела она в короткий промежуток между схватками, а через минуту опять закричала от боли, которая разрывала поясницу и низ живота.

– Доктор, да сделайте же что-нибудь! – громко позвала Лидия, видя, как надуваются вены на лбу дочери.

– Не паникуйте, мамаша, всё идёт свои чередом, – сказал гинеколог после осмотра. – Часика через полтора будете бабушкой.

Правы оказались и доктор, и Алёнка.

Санька в первый раз нарушил наставления Полкана. Они проводили зачистку в кишлаке в районе Меймена. Из-за опасности обстрела с гор вертолётчики не садились в долине – бойцы пришли тропой с гор, но сегодня их должны были забрать.

Усыпленные долгим спокойствием, моджахеды не сразу среагируют на посадку, скорее, даже на зависание над долиной – так думал Санька, прикрывая отход своей группы. Но тут из-за глинобитного забора выглянула любопытная голова ребёнка лет шести. Он знал, что оставлять свидетелей нельзя, но, видя живые чёрные глазёнки через прицел, выстрелить не смог.

Сашка приложил палец к губам, показывая мальцу, чтобы тот молчал, и быстро побежал вслед за ушедшими. Он даже не понял, что его ранили, не услышал выстрела, только почувствовал сильный толчок в руку, которую вдруг обдало холодом.

Он бежал ещё какое-то время, кажется, даже окликнул Лёху, ожидавшего его. Но потом всё закружилось, в ушах засвистело, заставляя Саньку искать глазами источник странного шума. Если бы Рыжий ушёл дальше, они бы его не дождались, потому что вертолёт, зависший над долиной, уже подобрал основную группу.

Лёха, маленький крепыш, взвалил Саньку на плечо, подобрал его автомат и как-то смешно побежал к вертолёту. Принявшие его на борт бойцы засуетились – командир был без сознания. Лицо позеленело. Из руки, пробитой навывлет в области двуглавой мышцы, ручьём вытекала кровь.

Они наложили жгут, даже нашатырным поводили перед носом, но Санька не реагировал. Доставив его в госпиталь, парни сиротливо приткнулись рядом – это первое серьёзное ранение в их группе.

В операционной, где ему после сшивания влили чужую кровь, Саньку начало бить такой крупной дрожью, что бывалые и, в общем-то, нехилые ассистенты еле удерживали парня на столе. Потом будут разбираться, почему произошло такое, только Саньке в тот момент было уже хорошо.

В своём сознании он укрылся в толстой бетонной трубе и полз к выходу из неё, зная, что там, куда он стремится, тихо, тепло и солнечно. Но из другого конца трубы послышался детский голос. Нет, не голос... кряхтение грудного ребёнка.

Как Санька расслышал его, он не знает, но, обернувшись, увидел, что голова ребёнка застряла среди спутанных проводов нескольких мин. Он развернулся, опираясь на руку, отчего она зажглась болью, и пополз к ребёнку. Тот глядел на него зелёными, как весенняя трава, глазами и ждал помощи: уж слишком тоненькие у него были ручки, чтобы убрать провода.

Санька развёл их, и малыш, спокойно задышав, перевернулся, а потом, скатившись в лужу, засмеялся. Но вдруг грудь Саньки пронзил удар, от которого свет в другом конце трубы погас, – он провалился в темноту.

А в это время в обыкновенном роддоме радовались и гинеколог, и акушерки: ребёнок, запутавшийся в пуповине, которая трижды обмотала его вокруг тоненькой шейки, появился на свет и наконец-то закричал.

– Было бы нам на орехи, если бы задохнулся... Это ведь обкомовский малый...

– Хорошо, что родился! Просто очень хорошо! Потому что других детей у неё может и не быть, – сказал гинеколог, знавший, что резус крови отрицательный.

ГЛАВА 15

– Коньяк с вас, Михаил Никифорович, за пограничника, – сказал врач сидевшему на кровати мужчине, который как простой смертный успокаивающе поглаживал жену по плечу.

– Почему пограничника? – спросил тот, хотя понял, что родился мальчик.

– Потому что сегодня День пограничника, – ответил улыбающийся доктор. – На календарь давно глядели?

– Господи, посевная сейчас – я на небо гляжу, а не на календарь. Лидия, коньяк в машине. Скажи Толику – пусть принесёт. И не только бутылку! – крикнул он уходившей вслед жене.

– Дочка как? – вроде бы по-мужски твёрдо спросил Михаил Никифорович, но голос всё же дрогнул.

– Хорошая у вас дочка: лишнего не капризничала, только всё Сашу какого-то звала, – с улыбкой произнёс врач, привыкший к разным высказыванием рожениц.

– Это она отца ребёнка звала. Он там сейчас... воюет – привычно соврал мужчина, который и сам начинал верить в то, что Санька приедет после войны.

Но тут вернулась Лидия с водителем, который тащил огромный пакет. Михаил взял его и, поблагодарив доктора ещё раз, вручил ему гостинцы:

– Выпьете за здоровье нашего внука.

– Да что с ним станется: три шестьсот, пятьдесят два сантиметра ростом. Завтра утром принесут на кормление – сегодня мамочка пусть отдохнёт.

– До свидания, – улыбнувшись, Лидия за руку потащила мужа домой: ей не терпелось скорее приготовить комнату для Алёнки с малышом.

Она сейчас знакомой женщине позвонит, та поможет ей влажную уборку сделать, вечером сам Миша кроватку соберёт, а ещё все пелёнки надо перестирать. Дел-то сколько...

– Миш, а ведь ты дед! – засмеялась радостно женщина. – А я бабушка.

Только чувствовала она себя молодой и полной сил, готовой перевернуть мир.

ГЛАВА 16

Санька поправился быстро. «Заживает как на собаке», – думал он, вспоминая странный сон, хотя врачи сказали, что у него была клиническая смерть. Они пытались объяснить ему, что иногда кровь той же группы, что и у пациента, не подходит по каким-то параметрам и что в будущем ему лучше не переливать чужую кровь, а ещё лучше – вообще не получать ранения.

Он отказался от положенного ему отпуска. Здесь вроде как семья... И снова закрутились боевые будни. Санька поймал себя на мысли, что убить собаку всё-таки, наверное, труднее, потому что она доверяет человеку. Тут же люди, с которыми он сходил в рукопашной, ненавидели его и не скрывали этого. Если он не успеет опередить, значит, убьют его, провернув нож в сердце. А он пока умирать не хотел, хотя в глазах иных бойцов видел полное отсутствие жизни.

Нет, они не трусили и не боялись. Им было всё равно. И смерть находила случай прибрать таких, словно она уже жила в их телах, – оставалось только наколоть их на штык или подставить под пулю.

Почему мужчины с детства норовят сломать игрушку, разбить нос другому, доказывая свою правоту, если можно ведь убедить словами? Но зачем тратить время, когда есть кулак... С другой стороны, выживают более сильные, более хитрые. Может, сам Бог задумал мужчин такими?

А Алёнка не думала сейчас ни о чём глобальном. Маленький розовый комочек занимал всё её существо. Она просыпалась за минуту до того, как сын начнёт покряхтывать в мокрой пелёнке. Он даже не успевал заплакать, как молодая женщина ласково льющимся из груди сладким голосом упрекала себя за то, что не доглядела:

– Ах, какая мама у тебя негодница: сыночек мокрый, а мама спит. Идём-ка, мой золотой, в сухие пелёночки, сейчас мы кушать будем.

И, взяв ребёнка на руки, испытывала величайшее в мире наслаждение, видя, как маленький ротик, почувствовав тепло и запах материнской груди, хватается за сосок. Какое это счастье – разглядывать маленькие пальчики с настоящими ноготками, гладить пахнущую молочком головку и удивляться тому, что это она сама родила такое чудо.

Михаил Никифорович просыпался от Алёнкиного воркования, подходил к неплотно прикрытой двери и стоял, грея душу, пока дочь не укладывалась спать или пока за ним не приходила жена.

ГЛАВА 17

Пятилетка пышных похорон началась в 1982 году со смерти Леонида Ильича Брежнева. Простой народ ждал изменений к лучшему. Полки магазинов на периферии были пусты. Товары доставались из-под прилавка, по блату, используя всевозможные связи. Если выбрасывали что-то дефицитное, тут же выстраивались очереди с перебранками, записями на ладонях номеров. А то, что производила наша промышленность, носить не хотелось, хотя и стоило дешево.

В крупных городах процветала спекуляция. Юрий Владимирович Андропов, сменивший на посту Брежнева, хотел навести порядок и взялся за это рьяно: на дневных сеансах в кино искали прогульщиков, брали фарцовщиков, научившихся делать бизнес на дефиците товаров, отправляли в лечебно-трудовые профилактории пьяниц. Новая метла только подняла пыль, но порядки оставались прежними. Может быть, и боялись директора крупных магазинов, после того как был арестован – а позднее и расстрелян – директор Елисеевского универмага в Москве, только на местах всё также фасовались продуктовые наборы к праздникам, и отличие обкомовских пайков от рабочих, было существенным.

Чтобы приобрести добротную вещь, нужно было иметь связь хотя бы с уборщицей, которая за определённую плату сообщит, когда ожидаемое завезут на склад. При Андропове завмаги и завскладами процветали точно так же, принимая как данность заискивающее «Здравствуйте» от людей далеко неглупых, но выбравших своей специальностью строительство или преподавание. А затем Юрий Владимирович скончается, и на его место придёт Черненко, который изначально выглядел более предудущего.

Для простых смертных были до смешного непонятны кремлёвские игры. Анекдоты зло высмеивали власть, но ей, как и во все времена, было не до народа.

О воинском контингенте в Афганистане, кажется, забыли наверху, потому что признать ввод войск в чужую страну ошибкой значило бы для многих высших чинов в армии одно – распрощаться с насиженным и тёплым местом, чего они, естественно, не хотели. И каждый призыв в армию становился лотереей для молодых парней.

Первым вопросом после прохождения медкомиссии всегда был вопрос «Куда?», он же становился самым главным. Как бы ни хотели власти скрыть гибель воинов, слухи без всякого радио распространялись быстрее.

Сложившаяся весной 1982 года угрожающая обстановка на востоке Афганистана, в регионе, примыкавшем к Кабулу, заставила руководство операцией сосредоточить батальон спецназовцев в Панджшерской долине, которую контролировала группировка «Исламское общество Афганистана» под руководством молодого, энергичного и умного лидера Ахмад Шаха.

Его отряды действовали вдоль важнейшей магистрали Кабул – Хайратон, по которой осуществлялось снабжение афганской столицы и большинства частей Сороковой армии с территории Советского союза, наносили мощные удары по транспортным колоннам. Кроме того, они действовали и в Баграмской долине, обстреливая аэродром с базировавшейся на нём авиацией, принадлежавшей советским и афганским армиям.

Разветвлённой сетью его агентов были пронизаны все государственные учреждения Афганистана. О любой намечающейся операции он знал заранее и предпринимал опережающие противодействия. Каждодневные перестрелки вели к гибели большого числа бойцов с обеих сторон, и к осени представители Главного Разведывательного Управления согласились на переговоры с Ахмад Шах Масудом. Факт проведения переговоров означал полный провал «военной коллективизации» Афганистана.

Группировка «Панджшер» отказывалась по условиям договора от боевой деятельности против советских войск, но на афганские правительственные войска он не распространялся.

Достигнутый компромисс советская сторона посчитала за чистую монету, не учтя джихада: мусульманин должен обмануть кафира, чтобы потом убить.

Соглашение, заключённое зимой в Панджшере, проработало недолго, чуть больше года. Ровно столько времени понадобилось Масуду для восстановления своих сил. Сразу после достижения перемирия Санькина группа вместе со всем батальоном в феврале 1983 года была передислоцирована в Гульбахар. Солдатам и офицерам к этому времени смертельно надоела красивая долина и величественные горы, полные ловушек и неприятных сюрпризов, особенно после негостеприимного и безлюдного Панджшера, в котором практически не осталось торговавших духанов, где цена за бутылку некачественной водки ашхабадского розлива достигала астрономической суммы – пятидесяти и более инвалютных рублей.

Обстановка не была спокойной. Обстрелы производились ночью и были очень короткими по времени. Дав несколько залпов из миномётов, установленных порой прямо в кузовах машин, исламские партизаны под аккомпанемент беспорядочной ответной стрельбы покидали окрестности базы.

Спецназовцы простояли в Гульбахаре одиннадцать месяцев, но и за этот период в батальоне мало что изменилось: по-прежнему подавляющее большинство офицеров и прапорщиков до отправки в Афганистан не служили в спецназе и ВДВ.

Считал ли Санька себя, да и ребят из группы героями? Наверное, нет, хотя понимал, что они делают тяжёлую мужскую работу. Собственно, к чему и готовились. Видя гибель солдат-срочников, он рассуждал о том, что конца войны, как бы она ни называлась, не видно, и если уж влезли в драку, то надо выходить из неё с честью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.